

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'37

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121

Научная статья

О «ВРОЖДЕННОСТИ» ИМЕНИ

Кравченко Александр Владимирович
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия

Аннотация

Статья продолжает разговор об имени как «врожденном языковом свойстве», начатый на страницах журнала А.Д. Кошелевым, и носит полемический характер. Соглашаясь с большинством важных выводов Кошелева об особенностях динамики развития младенцев, я ставлю под сомнение его главный, парадоксальный по своей сути вывод о врожденном свойстве объекта иметь имя, и показываю, что подобный вывод логически неизбежен, если придерживаться доминирующей в научном сообществе картезианской дуалистичной философии с ее рационалистической эпистемологией. В качестве альтернативы, позволяющей избежать подобных парадоксов, предлагается иная эпистемология, теоретической платформой для которой служит философия радикального конструктивизма и, в частности, биология познания и биология языка, разработанные У. Матураной. Конструктивистский подход к проблеме соотношения познания и языка с позиций теории систем, или «объективность со скобками», позволяет по-новому подойти к природе понятий и роли языка в их формировании, не оставляя места идее о возможной врожденности имени.

Ключевые слова: теория развития, биология языка, биология познания, понятие, языковой знак, системный подход

Введение

Статья А.Д. Кошелева «Имя как врожденное языковое свойство», опубликованная в №3(57) журнала «Вопросы психолингвистики» за 2023 г. [Кошелев 2023], вызывает интерес по двум причинам. Первая – это возвращение к проблеме врожденности языка, которая, казалось бы, давно закрыта как эмпирически неverifiedируемая и теоретически несостоятельная [Everett 2005]. Вторая – неожиданный, по крайней мере для тех, кто хорошо знаком с направлением проводимых Кошелевым исследований, уход в сторону от того пути, который обозначен в его же эволюционно-синтетической теории языка [Кошелев 2017; Кравченко 2018], призванной преодолеть затянувшееся состояние общетеоретического кризиса в современном языкознании [Кошелев 2013; Кравченко 2015a]. Опираясь на психолингвистические экспериментальные исследования С. Ваксман и ее коллег, изучавших процессы категоризации объектов у младенцев и их связь с процессом номинации [Waxman 1998; 2012; Waxman, Booth 2003; Waxman, Markow 1995 и др.], А.Д. Кошелев выдвигает и отстаивает гипотезу о том, что «свойство объекта иметь имя является для ребенка врожденным», ставя под сомнение адекватность классического взгляда на соотношение языка и мышления

в онтогенезе, восходящего к идеям Л.С. Выготского [1934]. Однако больше всего лично меня в статье Кошелева заинтересовал другой, более примечательный факт, на котором я и хочу сосредоточиться, приняв предложение вступить в дискуссию.

Я согласен практически со всеми довольно убедительными аргументами, которые автор приводит в обоснование единства генетического корня мышления и языка, но я категорически не согласен с тем, что полученные С. Ваксман с коллегами данные заставляют прийти к заключению о врожденности свойства объекта иметь имя. Я собираюсь показать, что сделать подобный вывод А.Д. Кошелева, пытливого и вдумчивого исследователя языка, заставляет нежелание порвать с дуалистичной философией объективного реализма и присущей этой философии рационалистической эпистемологией – ведь именно эта эпистемология образует тот методологический фундамент, на котором строится все здание современной лингвистической ортодоксии и который, в конечном счете, и является причиной затянувшегося кризиса в науке о языке, давно принявшего системный характер. И это тот фундамент, на котором уже не одно десятилетие Ваксман с коллегами (впрочем, не только они) строят свой исследовательский проект, призванный пролить свет на то, как и когда в развитии ребенка пересекаются процесс формирования понятий (которые теперь принято называть модным словом «концепты») и процесс «усвоения» языка. Проблема в том, что подобная постановка вопроса уже сама по себе исключает возможность получить на него вразумительный ответ по двум очевидным причинам.

Первая причина – это отсутствие в научном сообществе более или менее четкого понимания того, что же такое концепты вообще, где они находятся и для чего нужны человеку [Кравченко 2011; 2013]. Отдельный вопрос – есть ли концепты у других животных, и если да, то чем они отличаются от человеческих концептов? Отсутствие ответов на эти вопросы тем не менее не мешает исследователям строить серьезные научные теории о природе и характере человеческой когниции вообще и восприятия в частности с опорой на такие понятия, как «концепт», «концептуальная структура», «концептуальная область» и под. [Lakoff 1980; Barsalou 1999; 2005; Waxman 2002; Gahrn-Andersen 2023 и мн. др.]. Сказать, как это делают В. Галлезе и Дж. Лакофф [Gallese, Lakoff 2005: 455], что концепты – это конвенциональные и относительно устойчивые единицы мышления и языкового значения, значит не сказать ничего существенного, поскольку наука до сих пор не имеет ответов на вопросы «Что такое мышление?» и «Что такое языковое значение?» Более того, как подчеркивал Р. Джекендофф, «“правильность” того или иного понимания концепта нельзя оценить, одновременно не оценивая ту картину мира, в которой он играет роль» [Jackendoff 1989: 68; мой перевод – А.К.]. Эта необходимость оценить картину мира, частью которой является создающий ее человек во всех его проявлениях, включая, в первую очередь, мыслительно-языковую способность, подводит нас ко второй причине, по которой поставленный С. Ваксман и коллегами центральный для психологии развития вопрос не может получить адекватного ответа, и по которой А.Д. Кошелев просто вынужден выдвинуть свою парадоксальную гипотезу. Причина эта – эпистемологическая ущербность самой методологии (психо)лингвистических исследований, укорененная в дуалистичной философии объективного реализма и связанная с тем, как понимается самый процесс (научного) познания как «приобретения» знаний о явлениях и закономерностях того, что мы называем объективной действительностью.

Познание в конструктивистской эпистемологии

Философия объективного реализма лежит в основании доминирующего мировоззрения, в соответствии с которым наблюдаемый и описываемый человеком мир существует независимо от человека как субъекта познания. И поскольку нам кажется, что мир, в котором мы существуем и с которым взаимодействуем различными способами, не зависит от того, что мы о нем думаем или говорим, и поскольку некоторые отдельные особенности его устройства могут представляться нам препятствующими наращиванию наших знаний, мы стремимся понять, как именно он устроен и как его можно изменить в наших интересах.

Но вот парадокс: исходные познавательные установки философии объективного реализма *в принципе* не позволяют нам приблизиться к пониманию самого важного, что есть в мире, – а именно, человека, этот мир познающего. Репрезентационалистская теория познания, вера в то, что познание состоит в отражении опосредованной языком объективной реальности в сознании субъекта, не дает ответа на вопрос о том, в чем конкретно состоит функция такого отражения (если оно действительно имеет место) с точки зрения биологии – ведь наличие у человека языковой способности является уникальной характеристикой биологического вида *Homo sapiens*. Не случайно Л. Витгенштейн [1994: 127] называл философию «борьбой против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка».

Научный подход к познанию невозможен без понимания того, что представляют собой познание и язык как биологические процессы, и в чем состоит их биологическая функция [Maturana 1970; 1978; Кравченко 20156]. Однако в доминирующей научной парадигме такое понимание отсутствует как в исследованиях языка, так и в исследованиях человеческой когниции, что неизбежно ведет к проблемам в осмыслении как того, так и другого. Например, под объективной реальностью понимается мир, состоящий из объектов, существующих независимо от нашего сознания, языка и тех или иных теорий [Button 2013]. Тем самым объект познания – то, что мы знаем о мире и его свойствах – также предстает как независимый от субъекта познания. Радикальный конструктивизм, как альтернативная теория познания, занимает иную позицию по проблеме знания [Foerster 1973; Maturana, Varela 1987; Glaserfeld 1989; 1995]. Согласно У. Матуране [Maturana 1970], вопрос «Что является объектом познания?» становится бессмысленным, как только приходим к пониманию, что, хотя мы привыкли вести речь о реальности (описывать ее), ориентируя друг друга путем языковых взаимодействий на, как нам кажется, сенсорные переживания конкретных сущностей, сами эти сущности представляют собой *состояния относительной активности между нейронами*, порождающие новые описания.

Язык является нашей экзистенциальной областью, в которой мы «возникаем» и становимся теми, кто мы есть. «Мир – это образ языка. Язык на первом месте, а мир – это его следствие» [Foerster 2002: 71]. Поскольку мы, люди, возникаем в языке как нашей непосредственной среде (реляционной области кооперативных взаимодействий), и поскольку наше знание о мире опосредовано взаимодействием с ним нашего тела [Di Paolo 2005], для нас, как наблюдателей, язык в прямом смысле созидает мир через фундаментальную операцию различения – спецификацию сущности (посредством именованья), операционально отсеченную от ее фона:

«... то, что является результатом операции различения и, таким образом, может быть распознано, представляет собой предмет со свойствами, специфицированными

операцией различения, который существует в пространстве, установленном этими свойствами. Реальность, следовательно, – это область предметов, и в этом смысле то, что может быть распознано, реально. В такой постановке не возникает вопроса о том, что такое реальность: это область, специфицированная операциями наблюдателя» [Maturana 1978: 55; мой перевод – А.К.].

Как подчеркивал Фёрстер, «именно язык, благодаря своему денотативному аспекту, совращает нас и заставляет искать свойства реальности “где-то там”, а не в нас самих» [Foerster 2002: 80; мой перевод – А.К.]. Мы начинаем верить, что существует одна вселенная, в которой различные объекты, как и самая вселенная, существуют в виде независимых от наблюдателя объектов «где-то там», а их природу и сущностные свойства можно определить, проанализировать и объяснить. Отсюда привычный вопрос «Что такое X?», на который исследователи в той или иной области пытаются найти ответ, упуская из виду субъективную природу науки. Наука – это не способ раскрытия независимой реальности как «объективности без скобок», а способ порождения специфичной реальности, «привязанной к условиям, определяющим наблюдателя как человеческое существо», или «объективности со скобками»:

«Объективность со скобками влечет за собой принятие того, что существование порождается сделанными наблюдателем различениями, что областей существования столько, сколько видов различений проводит наблюдатель: объективность в скобках влечет за собой *множественные вселенные*, она влечет за собой признание конститутивной зависимости существования от наблюдателя, и что областей истины столько, сколько областей существования он порождает в своих различениях» [Maturana 1988a: 11; мой перевод – А.К.]

Системный подход к языку и когниции

Конструктивистская эпистемология исходит из учета двух важных положений. Во-первых, система определяется собственной сохраняемой организацией, а не участвующими в этой организации структурами и приписываемыми им функциями. Во-вторых, необходим «двойной взгляд на системы», при котором система описывается одновременно в двух непересекающихся областях – *операциональной* (система как собрание компонентов) и *феноменологической* (система как сингулярная сущность во взаимодействиях со средой, которая включает в себя эту систему и делает ее возможной). Различие между этими двумя видами описания очень важно, так как от него зависит общая адекватность выстраиваемой ученым теории [Kravchenko 2022a]. Как я недавно отмечал [Kravchenko 2022b], лингвистическая семиотика главного направления, взявшая на вооружение структуралистское понимание знака, не в состоянии увидеть концептуальное различие между языком как структурированной системой вокализаций (языковых знаков), производимых человеческими организмами, и *языковой деятельностью* как человекоспецифичным поведением в феноменальной области. Как наборы структурных элементов языка могут быть очень разными, но эти различия не специфицируют языковую деятельность человека и человеческого сообщества, существующего в когнитивной области языковых взаимодействий, которые определяют и сохраняют его как живую систему. И поскольку ортодоксальная лингвистика описывает язык главным образом в операциональной области, утвердившийся в науке взгляд на функцию языковых знаков (служить именами) и языка (репрезентировать «объективную реальность») нельзя считать адекватным, так как он

никак не помогает понять роль языка в жизненной практике человека и, следовательно, самый феномен человека и природу человечности [Кравченко 2022].

«Всякое действие есть познание, и всякое познание есть действие» [Maturana, Varela 1987: 248]. Этот известный тезис в сжатом виде представляет суть биологии познания как эпистемологического направления в изучении живых систем как когнитивных систем. Зачарованные тем фактом, что человеческая когниция, определяемая нашей способностью к абстрактному мышлению и рассуждению, намного превосходит когницию других живых существ, эпистемологи-объективисты разного толка ищут способы объяснить знание как ментальные репрезентации внешнего мира, необходимые, как принято считать, для понимания этого мира, помогающего человеку целенаправленно действовать в нем, исходя из собственной выгоды. Согласно распространенному мнению, люди отличаются от других социальных существ тем, что могут делиться своим индивидуальным знанием, делая его доступным для других посредством особого (семиотического) инструмента – языка [Evans 2015]. Тем самым достигается гораздо более высокая степень социальной кооперации, выгодной для сообщества в целом [Oeberst, Kimmerle, Cress 2016]. При таком подходе язык «играет важную роль в человеческой культуре, поскольку его денотативное измерение связано с тем, что, в сущности, характеризует вещи как вещи, а именно их *вещностью*» [Gahrn-Andersen 2019: 179; выделено в оригинале; мой перевод – А.К.]. Таким образом, денотация (номинация) рассматривается как ключевой фактор, позволяющий людям вовлекаться в общественно-материальные практики [Gahrn-Andersen 2023].

Проблема однако в том, что слишком многие из имен, которыми мы «пользуемся», не являются именами различных предметов или явлений, и в нашей практике, как жизни в языке, они не отсылают к аспектам объективной реальности («объективности без скобок»); они не обладают тем, что лингвисты называют «денотативным значением», или, в терминах Фреге [Frege 1892], способностью к референции. Поскольку «денотация», «значение» и другие термины, которыми пользуются лингвисты, говоря о языковых знаках, это существительные, а типичное существительное служит именем вещи с присущим ей локусом, мы принимаем как само собой разумеющееся, что денотация, а самое главное, значение как свойство языкового знака, существует в объективной реальности [Kravchenko 2024]. Наследие дуализма в наших попытках понять и объяснить материальный мир и наше место в нем заставляет нас принимать как данность существование таких онтологически различных вещей, как «объекты», «язык», «культура» и, конечно же, «общественно-материальные практики», в которых «языковые знаки», благодаря денотации, соотносятся с неязыковыми «объектами» и опосредуют наше взаимодействие с «внешним» миром.

В противоположность философии объективного реализма, радикальный конструктивистский подход к языку исходит из его коннотативной, нежели денотативной природы [Maturana 1970]. Подход к языку с позиций теории систем предполагает его рассмотрение как человекоспецифичное интерактивное (диалогическое) поведение, образуемое динамическими процессами и отношениями между ними, которые включают в себя артикуляторно-акустические явления (слова), интегрированные в нашу телесную динамику. Языковые знаки – это не контейнеры для транспортировки идей, потому что «мысли не путешествуют» [Sperber, Wilson 1986: 1]. Знаки – это намеки, побуждающие к определенным заключениям в процессе интерпретации [Keller 1998: 90]. При конструктивистском подходе номинация как

операция различения не является процессом идентификации объекта, существующего в «объективности без скобок» и характеризуемого «вещностью» как его важнейшим свойством. Вовлеченность человека в различные общественно-материальные практики, как и самая культура, это эволюционное следствие возникновения языка как интерактивного поведения и наблюдателя как живой системы, которая существует как единство взаимодействий в своей экологической нише – той части среды, с которой она взаимодействует и которую она специфицирует, а именно, в реляционной области языка. Как операция различения номинация *порождает* объект со свойствами, которые она же и специфицирует. Более того, У. Матурана недвусмысленно указывал, что

«имена и слова вообще – это не просто тривиальные способы указания на изначально существующие концептуальные или физические сущности; они подразумевают наши действия и чувства всякий раз, когда мы их используем. Хотя мы и не всегда это осознаем, имена и вообще все слова, которые мы используем, постоянно ориентируют нас в нашем чувственно-операционально-реляционном бытии как жизненном процессе, одновременно освещая и затуманивая его в зависимости от тех эмоций, которые они в нас вызывают» [Maturana 2014: 188; мой перевод – А.К.].

После того, как мы присвоили имя чему-то, что мы выделили в нашей жизненной области, каждый раз, когда мы впоследствии произносим это имя, мы привносим это что-то и порождаемую через него чувственно-операционально-реляционную область бытия в наше настоящее. Как процесс интерпретация языковых знаков не является «извлечением» значений, которые якобы «содержатся» в знаках. Скорее, это двойственный процесс: с одной стороны, языковые знаки идентифицируются как общие точки отсчета для координации кооперативного поведения индивидов, образующих сложную живую систему – сообщество говорящих на одном языке людей, а с другой стороны, индуктивное (включая языковое) поведение индивидов, определяемое спецификой их истории развития, коррелируется и интегрируется с общей динамикой системы как целого. Таким образом, семиотические свойства языковых знаков имеют эмерджентную природу: способность к означиванию не является внутренне присущим свойством того, что наблюдатель идентифицирует как языковой знак, эта способность возникает в потоке переживаемого опыта в процессе хеббовского научения [Hebb 1949] и опосредуется поведенческой реакцией организма на тот компонент среды, который воспринимается и интерпретируется как языковой знак. Тем самым язык как реляционная область становится ключевым экологическим фактором как в онто-, так и в филогенезе [Kravchenko 2016]. Как видоспецифичное интерактивное поведение в когнитивной области язык является определяющей чертой человека как живой системы, и его можно и нужно понимать именно как таковую. Однако такое понимание отсутствует в исследовательских проектах, направленных на выяснение того, как соотносятся и сопрягаются когнитивное и языковое развитие на раннем этапе жизни человека.

О природе понятий/концептов

Мы вряд ли приблизимся к пониманию языка и его роли в мышлении как способности оперировать понятиями до тех пор, пока наша общетеоретическая позиция будет определяться дуалистичной философией с ее непоколебимой верой в объективную реальность как «объективность без скобок». То, как мы формулируем ту

или иную исследовательскую задачу, уже определяет характер и эпистемологическую ценность выводов, которые будут получены. Например, одна из работ С. Ваксман называется «Как младенцы открывают разные типы слов и соотносят их с разными значениями?» и опубликована в книге под названием «Пути младенца к языку» [Waxman 2012]. Как видно уже из самих названий, язык, слова и значения (а также понятия, категории и т. п.) изначально понимаются как объекты, существующие в «объективности без скобок», и усилия исследователей направлены на выяснение того, как младенцы «находят» эти объекты и определяют имеющиеся между ними связи и отношения. Именно это имел в виду Х. вон Фёрстер, говоря о «сворачивающей» роли языка в нашем познании: то, что функция слов состоит в именовании предметов и понятий, существующих «где-то там», самих по себе, является одной из главных аксиом лингвистической ортодоксии, которая не может или не хочет рассматривать язык и познание как взаимосвязанные биологические процессы, выполняющие биологическую функцию. И именно подход к языку и познанию с позиций биологии позволил У. Матуране утверждать, что переживаемые нами сенсорные сущности, описываемые в языке, на самом деле представляют собой состояния относительной активности между нейронами.

Мозг нужен для контроля и поддержания общей динамики живой системы «организм-среда» как единства взаимодействий. Это возможно благодаря памяти как нейрофизиологическому механизму [Tsien 2007], позволяющему накапливать в виде определенных нейронных структур (нейронных репрезентаций как состояний относительной нейронной активности) опыт предшествующих взаимодействий, влияющий на принятие текущих поведенческих решений. Гипотетический механизм образования таких структур описан в [Кравченко 2001] и, вкратце, состоит в следующем.

Младенец испытывает ощущения, на которые его организм реагирует в соответствии с заложенной генетической программой. Взаимодействия со средой, осуществляемые посредством органов чувств, сопровождаются возникновением специфических состояний активности нейронных пучков (репрезентаций), которые как репрезентации взаимодействий поначалу носят элементарный характер в том смысле, что реакции на воздействия среды являются рефлекторными, их нельзя рассматривать как результат синтеза данных, поступающих через разные анализаторы. Эти элементарные репрезентации подкрепляются каждый раз, когда организм испытывает аналогичные ощущения, приобретая устойчивый характер (например, ощущения, вызываемые температурными изменениями среды). Если исходить из того, что опыт есть способность установления каузальных связей между текущими и прошлыми взаимодействиями, а взаимодействия репрезентируются состояниями активности нервной системы, то можно предположить, что опыт есть *сохраняющиеся во времени специфические состояния активности участков нейронной сети, вызванные взаимодействиями*.

Развиваясь, организм младенца начинает активно взаимодействовать со средой, когда несколько или все чувственные анализаторы участвуют во взаимодействии с тем или иным компонентом среды. Репрезентации таких взаимодействий являются синтезом элементарных репрезентаций, т. е. их структура усложняется, при этом чем больше чувственных анализаторов принимает участие во взаимодействии организма с компонентом среды, тем больше и разнообразнее набор возможных репрезентаций такого взаимодействия. Эти репрезентации также приобретают устойчивый характер

по мере подкрепления (повторения однотипных взаимодействий). Таким образом происходит накопление репрезентаций разной структурной сложности, образующих своеобразный ментальный инвентарь памяти, а в результате хеббовского научения (объединения взаимодействующих клеток) *элементарные репрезентации начинают существовать лишь как составные части сложных (прототипических) репрезентаций*. Инвентарь таких репрезентаций (состояний относительной активности нейронных пучков и ансамблей) составляет основу механизма восприятия как когнитивного взаимодействия со средой, имеющего ориентирующий характер.

Структура сложной репрезентации (состав входящих в нее элементарных репрезентаций) и ее организация (множественные связи между элементарными репрезентациями, благодаря которым сложная репрезентация выступает как единое целое) сохраняется вследствие того, что любые элементарные репрезентации появляются в результате взаимодействия организма со средой посредством имеющегося в его распоряжении конечного набора чувственных анализаторов, принцип действия которых остается практически неизменным на протяжении жизни. Таким образом, сложная репрезентация обнаруживает *каузальную зависимость* от элементарных репрезентаций. Собственно говоря, сложную репрезентацию по этой причине можно рассматривать как *структурную единицу опыта/памяти*.

Каузальные отношения между сущностями устанавливаются на основе взаимодействия с ними как компонентами ниши, когда взаимодействие с одной сущностью ведет к взаимодействию с другой и наоборот. По мере накопления опыта таких взаимодействий в нервной системе организма формируется устойчивая мнемоническая структура, включающая в себя репрезентации взаимодействий с каждой отдельной сущностью, так что по мере когнитивного развития организма наступает момент, когда активация репрезентации взаимодействия с одной сущностью влечет активацию всей мнемонической структуры, в которую эта репрезентация входит, и, соответственно, активацию репрезентации взаимодействия с другой сущностью, даже если самого взаимодействия с этой другой сущностью нет (своеобразный эффект резонанса¹). Следовательно, для наблюдателя взаимодействие с любыми двумя сущностями, отвечающее этому условию, будет каузально обусловленным, а сами сущности будут находиться в отношении *естественной гносеологической зависимости*. Такого рода отношение мы находим между знаками естественного языка и компонентами среды у младенцев.

Традиционно знаковость слова рассматривается как нечто предзаданное, как изначальное свойство материального объекта особого рода (означающего), наполненного идеальным содержанием (означаемым). Однако знаковое отношение не встроено в природу, не является имманентным свойством природных объектов [Putnam 1983], и способность того или иного компонента среды выступать в роли знака является эмерджентным свойством. Естественный язык потому и называется естественным, что для появившегося на свет младенца звучащие слова и выражения

¹ Это явление, по-видимому, лежит в основе мыслительного процесса и позволяет понять, почему проблема искусственного интеллекта остается нерешенной: «в мозгу мы находим тесное переплетение сетей и подсетей и отсутствие свидетельств структурного разложения сверху вниз, как это характерно для компьютерного алгоритма» [Varela 1992: 11; мой перевод – А.К.].

представляют собой всего лишь один из многих компонентов среды, к которой организм младенца должен приспособиться, научившись ориентироваться в ней [Кравченко 2023]. По мере того, как у младенца накапливается опыт взаимодействий с языковыми знаками как компонентами среды (например, в тех же экспериментах С. Ваксман), элементарные репрезентации таких взаимодействий становятся компонентами сложных репрезентаций, которые оказываются *схваченными* репрезентациями взаимодействий с языковыми знаками в том смысле, что, благодаря эффекту резонанса, услышанное слово активизирует всю мнемоническую структуру, вызывая у младенца ту или иную поведенческую реакцию. Эта «схваченность» ментальной структуры словом (точнее, его репрезентацией) и ведет к образованию того, что в русском языке называется понятием, а в английском – концептом. Однако поскольку в опыте младенца между словом и предметом, который, как принято считать в философии объективного реализма, «именуется» этим словом, существует взаимная гносеологическая зависимость, в текущих взаимодействиях младенца со средой точно так же, как слово может указывать на воспринимаемый объект, этот объект может указывать на воспринимаемое слово. Именно эта особенность в развитии младенца как живой когнитивной системы подводит к конструктивистскому выводу, что мир, в который должен встроиться ребенок как живая (когнитивная) система, является образом языка – вывод сам по себе не новый [Радченко 2005], но не получивший должного внимания в картезианской лингвистике.

Заключение

Итак, что следует из изложенных выше соображений? Во-первых, при всем уважении к Л.С. Выготскому, А.Д. Кошелев вполне обоснованно ставит под сомнение утвердившееся в психологии развития мнение о генетической разделенности естественно языковой и мыслительной способностей, и эксперименты С. Ваксман и ее коллег позволяют это увидеть довольно четко. Во-вторых, выдвигаемая А.Д. Кошелевым гипотеза о том, что речь и мышление имеют единый генетический корень, поскольку имя объекта (уточню – в виде нейронной репрезентации взаимодействия с именем как акустическим объектом) входит особой характеристикой в число его первичных сенсорных характеристик (опять же, в виде элементарных репрезентаций взаимодействий с объектом посредством разных сенсорных модальностей), лично у меня не вызывает сомнений в ее обоснованности, и в своих работах я не раз высказывал аналогичную мысль [Kravchenko 2003; 2008]. В-третьих, то, что А.Д. Кошелев называет «ментальным представлением объекта», и что выше было описано как сложная нейронная репрезентация взаимодействий с объектом (т. е. как нейронная структура опыта/памяти), есть не что иное, как понятие/концепт в рассмотренном выше смысле: оперативная единица мышления, схваченная словом. Отсюда – следующий тезис: «Есть слово – есть понятие, нет слова – нет понятия». Именно эта «схваченность» словом делает возможным самый мыслительный процесс [Kravchenko 2021], который, тем не менее, не становится от этого врожденным свойством человека, как не является врожденной и сама языковая способность, что очень хорошо видно на примере так называемых «диких» детей, в силу разных причин развивавшихся вне языковой среды [Curtiss 1977]. Речь, скорее, должна идти о предрасположенности к языку как человекоспецифичному способу существования в мире [Гаспаров 1996], и именно это, как представляется,

имел в виду Хайдеггер [1993: 259], утверждавший, что «сущность человека покоится в языке».

Мы привыкли думать о познании как о процессе постижения мира, а мир для нас – это «объективность без скобок», познанию которой якобы способствуют имена предметов, которые ребенок «стремится узнать как можно быстрее» [Кошелев 2023: 138]. На самом деле когнитивное развитие человека связано с языком и им обусловлено: мы строим дом нашего бытия («объективность со скобками») в языке, созидая мир и наполняя его объектами с присущими им свойствами посредством фундаментальных операций различения, которые проводим в языке как наблюдатели. Понимание этого рано или поздно придет в науку о языке, ознаменовав качественно новый этап в ее развитии.

© **Кравченко А.В., 2024**

Литература

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 530 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л.: Социально-экономическое издательство, 1934.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о “мирном” сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ИД ЯСК, 2017. 528 с.

Кошелев А.Д. Имя как врожденное языковое свойство // Вопросы психолингвистики. 2023. Т. 57, № 3. С. 128–141.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская обл. типография № 1, 2001. 261 с.

Кравченко А.В. Что изучает концептология? // «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» / Мат-лы I Междун. науч. конф. Барнаул, 2011. С. 248–251.

Кравченко А.В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему // Записки з романо-германської філології. Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Одеса: КП ОМД, 2013. Вип. 1(30) С. 115–124.

Кравченко А.В. О предметной области языкознания // А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев (сост.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015а. С. 155–172.

Кравченко А.В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014 / Сб. мат-лов. М.: Изд. РГГУ, 2015б. С. 697–709.

Кравченко А.В. [Рецензия] А.Д. Кошелев. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 3. С. 182–193.

Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово. ру: Балтийский акцент. 2022. № 3. С. 7–24.

Кравченко А.В. Знаки и смыслы как эпистемологическая проблема // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 4. С. 31–47.

Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: УРСС, 2005. 312 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993 («Путь к языку», с. 259–273).

Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. 22: 577–660.

Barsalou L.W. Continuity of the conceptual system across species // Trends in Cognitive Sciences. 2005.9(7): 309–311.

Button T. The Limits of Realism. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Curtiss S. Genie: A psycholinguistic study of a modern-day «wild child». N. Y.: Academic Press, 1977.

Di Paolo E. Autopoiesis, adaptivity, teleology, agency // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2005. 4(4): 429–452.

Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Everett D. L. Biology and language: a consideration of alternatives // Journal of Linguistics. 2005. 41: 157–175.

Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). University of Illinois, Urbana, 1972.

Foerster H. von. Vision, language and knowledge: The double blind. In: D. F. Schnitman, J. Schnitman (eds.). New paradigms, culture, and subjectivity. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2002: 65–81.

Gahrn-Andersen R. But language too is material! // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2019. 18: 169–183.

Gahrn-Andersen R. Perception as conceptual orderliness in enlanguaged practices. In: D. Secchi, R. Gahrn-Andersen, S.J. Cowley (eds.), Organizational cognition: The theory of social organizing. New York: Routledge, 2023: 39–52.

Gallese V., Lakoff G. The brain's concepts: the role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // Cognitive Neuropsychology. 2005. 22(3): 455–79.

Glaserfeld E. von. Cognition, construction of knowledge and teaching // Synthese. 1989. 80(1): 121–140.

Glaserfeld E. von. Radical constructivism: a way of knowing and learning. Bristol, PA: Falmer Press, Taylor & Francis Inc., 1995.

Hebb D. O. The organization of behavior. New York: Wiley & Sons, 1949.

Jackendoff R. What is a concept, that a person may grasp it? // Mind & Language. 1989. 4(1-2): 68–102.

Keller R. A theory of linguistic signs. Transl. by K. Duenwald. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Kravchenko A.V. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2003. 1: 179–191.

Kravchenko A.V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 2008.

Kravchenko A.V. Two views on language ecology and ecolinguistics // Language Sciences. 2016. 54: 102–113.

Kravchenko A.V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. 15(2): 139–158.

Kravchenko A.V. The distinctions we make as observers affect theory adequacy // *Constructivist Foundations*. 2022a. 18(1): 83–85.

Kravchenko A.V. The Maturanian turn: Good prospects for the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2022b. 18(1): 30–41.

Kravchenko A.V. A constructivist approach to meanings in the universe. In: A. Sharov, G. Mikhailovsky (eds.). *Pathways to the origin and evolution of meanings in the universe*. Beverly MA: Wiley; Scrivener Publishing LLC, 2024: 167–186.

Lakoff G. The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. 4: 195–208.

Maturana H.R. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970.

Maturana H.R. *Biology of language: The epistemology of reality*. In: G. Miller, E. Lenneberg (eds.). *Psychology and biology of language and thought*. New York: Academic Press, 1978: 28–62.

Maturana H.R. *Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence*. In: R. E. Donaldson (ed.), *Texts in cybernetic theory: An in-depth exploration of the thought of Humberto Maturana, William T. Powers, and Ernst von Glasersfeld*. American Society for Cybernetics, 1988a: 1–54.

Maturana H.R. *Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument* // *The Irish Journal of Psychology*. 1988b. 9: 25–82.

Maturana H.R. *Understanding social systems?* // *Constructivist Foundations*. 2014. 9(2): 187–188.

Maturana H.R., Varela F.J. *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Boston, MA: Shambhala, 1987.

Oeberst A., Kimmerle J., Cress U. What is knowledge? Who creates it? Who possesses it? The need for novel answers to old questions. In: U. Cress, J. Moskaliuk, H. Jeong (eds.). *Mass collaboration and education*. Cham etc.: Springer, 2016: 105–124.

Putnam H. *Realism and reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

Tsien J.Z. The memory code // *Scientific American*. 2007. 297: 52–59.

Varela F.J. *Autopoiesis and a biology of intentionality*. In: B. McMullin, N. Murphy (eds.). *Autopoiesis and perception: A workshop with ESPRIT BRA 3352*. Dublin, 1992: 4–14.

Waxman S.R. *Linking object categorization and naming: Early expectations and the shaping role of language*. In: D. L. Medin (ed.), *The psychology of learning and motivation*. San Diego: Academic Press, 1998: 249–291.

Waxman S.R. *Early word learning and conceptual development: Everything had a name, and each name gave birth to a new thought*. In: U. Goswami (ed.), *Blackwell handbook of childhood cognitive development*. Oxford: Blackwell, 2002: 102–126.

Waxman S.R. *How infants discover distinct word types and map them to distinct meanings*. In: J. Colombo, P. D. McCardle, L. Freund (eds.). *Infant pathways to language: methods, models, and research directions*. New York; London: Psychology Press, 2012: 99–118.

Waxman S.R., Booth A.E. *The origins and evolution of links between word learning and conceptual organization: New evidence from 11-month-olds* // *Developmental Science*. 2003. 6(2): 130–137.

Waxman S.R., Markow D.B. *Words as invitations to form categories: Evidence from 12- to 13-month-old infants* // *Cognitive Psychology*. 1995. 29(3): 257–302.

Сведения об авторе:

Кравченко Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Контактная информация:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-0540>
e-mail: sashakr@hotmail.com

Для цитирования:

Кравченко А.В. О «врожденности» имени // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 108–121. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121

UDC 81'37

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121

Research article

ON “INNATENESS” OF NAMES

Alexander V. Kravchenko

Baikal State University,
Irkutsk, Russia

Abstract

The article continues the discussion of the name as an “innate linguistic property” started by Alexei Koshelev in a previous issue of this journal, and is of a polemical nature. Subscribing to most of A. Koshelev’s important observations and inferences regarding the dynamics of infants’ development, I question his main and, seemingly, paradoxical conclusion about the innate character of names as linguistic properties of objects and argue that such a conclusion is inevitable in the framework of the dualist Cartesian philosophy with its rationalist epistemology still dominant in academia. As an alternative, and a way to avoid such paradoxes, I argue for a different kind of epistemology based on radical constructivist philosophy as its theoretical foundation, particularly H. Maturana’s biology of cognition and biology of language. A constructivist, systems approach to the issue of the relationship between cognition and language, or “objectivity with parentheses”, opens a new perspective on the nature of concepts and the role of language in their formation leaving no room for the idea of presumed innateness of names.

Keywords: development theory, biology of language, biology of cognition, concept, linguistic sign, systems approach

©Kravchenko A.V., 2024

Bionotes:

Alexander V. Kravchenko – Full Professor, Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University

Contact information:

11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-0540>

e-mail: sashakr@hotmail.com

For citation:

Kravchenko A.V. On “innateness” of names // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 108–121. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121 (In Russian)